

ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В ЭПОХУ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ И ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЙ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS PROTECTION IN THE ERA OF ONLINE PLATFORMS AND GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PROBLEMS OF QUALIFICATION OF VIOLATIONS AND ALLOCATION OF RESPONSIBILITY

F. Hamidullina

Summary. The article analyzes the problems of intellectual property rights protection in the context of the development of online platforms and the use of generative artificial intelligence. The difficulties of qualifying copyright violations and the distribution of civil liability between users, platforms and AI providers are considered. Based on the norms of Part four of the Civil Code of the Russian Federation, the doctrinal positions and practice of the Intellectual Property Rights Court, key areas of legal uncertainty related to the training of generative models, the status of the generation result and the application of the liability regime of information intermediaries are identified.

Keywords: intellectual rights, online platforms, copyright, artificial intelligence, responsibility, neural networks.

Хамидуллина Фарида Ильдаровна

доктор юридических наук, профессор, ФГАОУ ВО
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»
89196873238@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем защиты интеллектуальных прав в условиях развития онлайн-платформ и применения генеративного искусственного интеллекта. Рассматриваются трудности квалификации нарушений авторских прав и распределения гражданско-правовой ответственности между пользователями, платформами и провайдерами ИИ. На основе норм части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, доктринальных позиций и практики Суда по интеллектуальным правам выявляются ключевые зоны правовой неопределённости, связанные с обучением генеративных моделей, статусом результата генерации и применением режима ответственности информационных посредников.

Ключевые слова: интеллектуальные права, онлайн-платформы, авторское право, искусственный интеллект, ответственность, нейросети.

В условиях быстрого развития онлайн-платформ и широкого внедрения генеративного искусственного интеллекта (далее — ИИ) защита интеллектуальных прав приобретает принципиально иное содержание, поскольку трансформация затрагивает как скорость и масштаб распространения охраняемых объектов, так и технологические механизмы их создания, переработки и доведения до всеобщего сведения, вследствие чего применение традиционных юридических конструкций, закреплённых в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, при квалификации нарушений и распределении ответственности между участниками цифровых отношений объективно усложняется. Одновременно цифровая среда изменила структуру оборота результатов интеллектуальной деятельности, поскольку масштабируемость копирования, мгновенность распространения и фактическая неограниченность воспроизведения через пользовательские интерфейсы привели к трансформации охраны исключительных прав, пред-

усмотренных ст. 1229 и 1270 ГК РФ, из разового реагирования в постоянный процесс управления рисками, ориентированный на предотвращение воспроизводимых сценариев неправомерного использования, усиливаемых сетевыми эффектами и алгоритмами распространения, что в доктрине объясняется тем, что «право интеллектуальной собственности уже фактически стало самостоятельной отраслью законодательства» [17, с. 3], отражая объективную потребность в уточнении его инструментов применительно к цифровой среде.

Основной особенностью платформенной экономики является то, что онлайн-платформы перестали выполнять лишь вспомогательную функцию информационного посредника и фактически стали активными участниками оборота контента, поскольку именно они определяют условия доступа, правила модерации, способы продвижения и модели монетизации, тем самым влияя на реализацию исключительных прав, предус-

мотренных ст. 1229 ГК РФ. Участие платформ в обороте контента реализуется не только через алгоритмическое распространение, но и посредством договорных и лицензионных механизмов, заранее задающих правовой режим использования произведений, вследствие чего платформа смещается из позиции пассивного посредника в сторону активного организатора оборота, что подчёркивается в научной литературе, где указывается, что «все предоставляемые работы лицензируются заранее, а сборы согласуются каждой платформой с правообладателями индивидуально или коллективно» [12, с. 169].

Существенной особенностью цифровой среды является разрыв между формально-правовым режимом охраны произведений и фактическими моделями пользовательского поведения, что приводит к систематическому воспроизводству нарушений и снижению превентивного эффекта гражданско-правовых запретов; в литературе данный разрыв объясняется спецификой восприятия цифрового контента, поскольку «скопировать чужую работу довольно просто, и у пользователей создаётся ложное впечатление, что контент находится в их полном распоряжении» [18]. В этих условиях защита интеллектуальных прав не может сводиться исключительно к ответственности конечных пользователей и объективно требует системного применения ст. 1253.1 ГК РФ, поскольку основное условие надлежащего поведения информационного посредника прямо сформулировано законодателем как обязанность «своевременно принять необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения интеллектуальных прав» [4], что делает принципиальными критерии своевременности, достаточности мер и прослеживаемости действий платформы, включая фиксацию момента получения уведомления, объёма ограничения доступа и предотвращения повторной загрузки идентичного материала.

Особую сложность для правоприменения создаёт генеративный ИИ, юридически значимый не только как средство создания внешне «нового» контента, но и как технология массовой переработки культурных массивов, основанная на анализе больших данных и выявлении закономерностей, позволяющих воспроизводить стилистические и композиционные элементы, характерные для объектов авторского права [8]. При этом «пользователь лишь задаёт параметры генерации через текстовые промпты» [2, с. 2], тогда как формирование результата осуществляется алгоритмически, что ставит под сомнение возможность прямого применения критериев авторства и охраноспособности произведений, закреплённых в ст. 1228 ГК РФ.

В этой связи в правовой плоскости квалификационная проблема возникает уже на стадии обучения генеративных моделей, поскольку, как отмечается в литературе, «правовая квалификация процесса машинного

обучения как воспроизведения произведений в смысле авторского права остается дискуссионной» [2, с. 3], при том что машинное обучение является совокупностью технически неоднородных действий — от сбора и структурирования данных до статистической обработки и формирования параметров модели, каждое из которых требует самостоятельной правовой оценки с точки зрения того, образуют ли они «использование произведения» в формах воспроизведения или переработки либо должны рассматриваться как допустимый технологический процесс. Отсутствие однозначного ответа на данный вопрос дополнительно подкрепляется тем, что «Гражданский кодекс РФ не содержит специальных норм об авторских правах на произведения, созданные с использованием ИИ... что создает правовую неопределенность» [2, с. 3], вследствие чего правоприменительные выводы во многом зависят от конкретных фактических обстоятельств дела и складывающейся судебной практики.

С позиции риск-менеджмента правообладателя принципиальное значение имеет то обстоятельство, что «правообладатели зачастую не давали согласия на такое использование своих произведений» [2, с. 4], а также то, что «пока нейросеть будет обучаться на произведениях других авторов, авторские права на оригинальные произведения будут нарушаться» [9, с. 128], в связи с чем правовая конструкция, ориентированная исключительно на выявление прямого копирования на стадии использования результата генерации, оказывается методологически недостаточной, поскольку экономическая ценность извлекается уже на стадии «входа» — через использование охраняемого контента в составе обучающих выборок, что требует уточнения границ допустимости такого использования и определения правовых последствий нарушений именно на стадии обучения [3].

В рамках доктринальной дискуссии формируется позиция о допустимости легализации обучения генеративных моделей через механизм исключений, причём в специализированной литературе прямо высказывается тезис о том, что «обучение генеративного искусственного интеллекта следует считать новым случаем свободного использования произведения» [11, с. 74], при этом фокус обсуждения смещается на правовой режим входных данных, поскольку в качестве самостоятельного проблемного узла обозначается «обучения нейронной сети с использованием охраняемых произведений без согласия их правообладателей» [11, с. 74], тогда как практическая реализуемость подобной модели должна соотноситься с базовой презумпцией исключительного права, согласно которой «Отсутствие запрета не считается согласием (разрешением)» [4], а значит, параметры исключения неизбежно будут зависеть от целей и объёма использования, характера заимствования, наличия коммерческого интереса и реальной возможности

правообладателя воздействовать на состав обучающих датасетов.

Вторая линия конфликтов связана с правовой судьбой результата генерации, поскольку нормативная «точка сборки» персональной природы авторства закреплена законодателем через правило о том, что «автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат» [4], вследствие чего в доктрине воспроизводится акцент на человеческом творческом вкладе и подчёркивается, что «авторские права возникают только на интеллектуальные труды, созданные человеком в процессе его творчества» [2, с. 67], из чего следует практическая развилка, при которой результат генерации либо квалифицируется как неохранный при недоканности творческого вклада человека, либо охрана возникает постольку, поскольку установимы действия пользователя, выходящие за пределы технической задачи и выражающиеся в замысле, творческом отборе, существенной переработке и редактировании результата. При этом в доктрине представлена и более жёсткая концепция неохраноспособности результатов генерации, в рамках которой заявляется, что «эти объекты по аналогии с фольклором должны быть признаны неохранными» [11, с. 74], однако даже при принятии такого подхода сохраняется проблема стилистической имитации и реконструкции охраняемых элементов, что переводит спор в плоскость оценки того, не имеет ли место переработка охраняемого материала, поскольку «под переработкой произведения понимается создание производного произведения» [5].

В современной цифровой среде распределение гражданско-правовой ответственности должно опираться не на формальный статус участника цифровых отношений, а на анализ его фактического участия в обороте результата интеллектуальной деятельности, прежде всего на том этапе, где контент приобретает юридически значимые последствия для правообладателя и третьих лиц, и именно поэтому в доктрине акцент переносится на момент включения результата генерации в хозяйственный и информационный оборот, поскольку «нарушение исключительного права образует не их создание, а их использование без согласия правообладателя» [11, с. 78], а квалификация противоправного поведения в результате закономерно смещается к действиям по публикации, распространению и иной эксплуатации контента в смысле ст. 1270 ГК РФ. Вместе с тем разработчик либо владелец генеративной модели может подлежать привлечению к ответственности в тех случаях, когда противоправный риск формируется на стадии обучения и выражается в организованном использовании охраняемых массивов данных без надлежащих правовых оснований, поскольку включение произведений в состав обучающих выборок затрагивает исключительные правомочия

правообладателя, в связи с чем в доктрине обоснованно отмечается, что «включение произведений в датасет... технологически предполагает их воспроизведение..., составляющее прерогативу правообладателя» [11, с. 78], а потому юридически значимым становится соблюдение требований добросовестности и предварительной правовой проверки источников данных при формировании обучающих массивов и настройке функционирования модели.

Отдельной оценки требует роль онлайн-платформы в механизме пресечения нарушений, поскольку объём её обязанностей и пределы гражданско-правовой ответственности зависят от того, к какой нормативной категории она относится в цепочке цифрового оборота, при этом законодатель закрепляет расширительное понимание информационного посредничества, включая в него «лицо, осуществляющее передачу материала...», «лицо, предоставляющее возможность размещения материала...» и «лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу...» [4].

Нормативной опорой для оценки поведения посредника выступает ст. 1253.1 ГК РФ, поскольку освобождение от ответственности связывается с проверяемым стандартом реагирования на заявление правообладателя — посредник освобождается, если «... в случае получения... заявления правообладателя... своевременно принял необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения интеллектуальных прав» [4], однако в практике Суда по интеллектуальным правам критерий «своевременности» наполняется содержанием через оценку фактического интервала реакции: так, по делу № А41-25531/2022 в постановлении от 16.06.2023 № С01-921/2023 [15] в качестве своевременного поведения фиксировалась реакция в пределах 1–2 недель, тогда как по делу № А40-277047/2023 в постановлении от 03.12.2024 № С01-2107/2024 [13] несвоевременность связывалась с тем, что меры принимались лишь после подачи иска либо спустя длительный период с момента получения претензии. Дополнительно СИП указывает на юридическую значимость «обычных» каналов направления уведомлений, поскольку само по себе наличие у платформы внутренней формы/процедуры не превращает её в единственный допустимый способ уведомления: «то обстоятельство, что общество использует... разработанный им механизм обмена информацией, не свидетельствует об обязанности иных участников рынка использовать исключительно данный... механизм обмена корреспонденцией» [16]. Существенно и то, что даже при наличии условий освобождения от ответственности законодатель прямо допускает предъявление требований «... не связанных с применением мер гражданско-правовой ответственности, в том числе об удалении информации... или об ограничении доступа к ней» [4], вследствие чего для правообладателя и суда ключевыми

становятся доказуемость момента получения уведомления, полнота и скорость реакции, а также воспроизводимость мер по предотвращению повторного размещения.

В рамках оценки распределения гражданско-правовой ответственности за использование результатов генерации принципиальным является установление лица, действия которого привели к использованию объекта в гражданском обороте и обусловили наступление правовых последствий, при этом в доктрине обоснован вывод о том, что «субъектом ответственности... следует считать фактически использовавшее его лицо» [11, с. 74], однако в научных и сравнительно-правовых исследованиях одновременно развивается дифференцированный подход, учитывающий многостадийность функционирования систем искусственного интеллекта и сложность установления причинной связи между поведением различных участников и результатом, вследствие чего

допускается возложение ответственности на субъект, фактически управляющий применением системы, включая модель «смещения ответственности в сторону контролирующего профессионального пользователя» [10, с. 51].

На основании выявленных особенностей цифрового оборота и анализа действующего законодательства были систематизированы ключевые проблемы правового регулирования отношений, возникающих в связи с использованием генеративных технологий в сфере интеллектуальной собственности, а также определены основные направления их нормативного и правоприменительного разрешения (таблица 1).

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что развитие онлайн-платформ и генеративного искусственного интеллекта выявляет пределы

Таблица 1.

Основные проблемы правового регулирования и направления их разрешения

Проблема	Рекомендация (направление совершенствования)
1) Квалификация операций машинного обучения как «использования произведения» (ст. 1270 ГК РФ): обучение технически состоит из серии копирований (загрузка/запись в память ЭВМ, кэширование, индексирование, векторизация, хранение промежуточных массивов), однако право не даёт устойчивого критерия, где заканчивается воспроизведение и начинается нейтральный технологический процесс, при этом легальная опора есть только через определение воспроизведения, включая запись в память ЭВМ (ГК РФ, ст. 1270, п. 2).	Нормативно закрепить квалификацию обучения через ст. 1270 ГК РФ: а) разграничить временные технологические копии и устойчивые копии, используемые для обучения/дообучения; б) задать проверяемые критерии разграничения «технологического процесса» и экономически значимого использования; в) отдельно описать правовое значение операций индексирования/векторизации как стадий извлечения ценности из охраняемого контента.
2) Риск нелегального обучения как системный («вход» важнее «выхода») — модель, ориентированная на поиск совпадений в результате генерации, не покрывает извлечение ценности на стадии формирования параметров модели. Закон исходит из того, что отсутствие возражений со стороны правообладателя не может рассматриваться как согласие на использование произведения (любое использование допустимо только при наличии прямого правового основания).	Закрепить правовые основания правомерности обучения и режим датасетов: а) предусмотреть договорные/лицензионные модели для обучения, в т.ч. массовые; б) развести режимы лицензирования и коллективного управления для типовых категорий контента; в) при введении исключения/ограничения — закрепить условия применимости (цель, объём, коммерческий контекст, проверяемость) и гарантии правообладателя.
3) Персоналистская модель авторства требует творческого труда гражданина (ГК РФ, ст. 1228, п. 1), однако фактическая модель взаимодействия с ИИ часто сводится к постановке запроса, что затрудняет вывод об охраноспособности и создает неединообразие квалификации.	Закрепить признаки творческого руководства (замысел, творческий отбор, композиция, существенная переработка/редактура, интеграция в сложный объект). Отдельно обозначить, что формальная подача промпта сама по себе не презюмирует авторство без подтверждённой творческой работы.
4) Непредсказуемость распределения гражданско-правовой ответственности в платформенно-алгоритмической среде, обусловленная множественностью участников цифрового оборота и алгоритмическим распространением контента, что усложняет установление формы использования произведения и причинно-следственной связи. При этом ответственность информационного посредника зависит от оценки принятия им «необходимых и достаточных мер» (ГК РФ, ст. 1253.1, п. 3, пп. 2), а требования об удалении или ограничении доступа допустимы и при освобождении от ответственности (ГК РФ, ст. 1253.1, п. 4).	Конкретизировать критерии своевременности/достаточности мер с учётом алгоритмизованного продвижения. Установить обязанность предотвращения повторной загрузки идентичного материала при валидном уведомлении и обеспечить фиксацию ключевых цифровых следов (момент выявления, получение уведомления, объём ограничения доступа).

применимости традиционных конструкций авторского права и гражданско-правовой ответственности, сформированных для линейных моделей оборота результатов интеллектуальной деятельности. Основные трудности обусловлены не дефицитом правовой охраны, а недостаточной адаптированностью действующих квалификационных критериев к многостадийным и алгоритмизованным процессам обучения и генерации, вследствие чего в правоприменительной практике сохраняется неопределённость в вопросах правового статуса результата генерации и распределения ответственности

между пользователем, оператором онлайн-платформы и провайдером генеративной технологии. В этой связи дальнейшее развитие правового регулирования требует не пересмотра базовых принципов авторского права, а их нормативного уточнения и системного применения с учётом особенностей цифрового оборота, прежде всего в части определения условий использования произведений и критериев привлечения участников цифровых правоотношений к гражданско-правовой ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирова М.Г., Абакарова Б.Г. Регулирование генеративного ИС: авторские права на контент, созданный нейросетями // *Human Progress*. — 2025. — Т. 11. — № 5. — С. 1–7.
2. Бабенко А.А. Авторско-правовые проблемы использования генеративного искусственного интеллекта в процессе создания видеоигр // *Вопросы российской юстиции*. — 2024. — № 34. — С. 57–71.
3. Горина Н.В. К вопросу об охране авторских прав в сети Интернет // *Юридическая наука и практика*. — 2023. — Т. 19. — № 1. — С. 39–45.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.08.2025) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 11.10.2025).
5. Драгунова С.А. Охрана авторских прав в сети «Интернет»: международно-правовой аспект // *Проблемы экономики и юридической практики*. — 2020. — № 3. — С. 146–149.
6. Идрышева С.К. Информационные посредники и их роль в авторских правоотношениях в цифровую эпоху // *Цифровой репозиторий Университета КАЗ-ГЮУ*. — 2024. — С. 22–30.
7. Как обеспечивается защита авторских прав в интернете? // *Союзпатент: официальный сайт*. — URL: <https://unionpatent.com/kak-obespechivaetsya-zashhita-avtorskih-prav-v-internete/> (дата обращения: 20.01.2026).
8. Карцхия А.А. Распределение гражданско-правовой ответственности между провайдером и пользователем нейросети при генерации контента, нарушающего исключительное право на произведение // *Интеллектуальная собственность. Патентное право*. — 2025. — № 4. — С. 15–27.
9. Лукашова А.В. Авторское право и произведения, сгенерированные нейросетью // *Вопросы российской юстиции*. — 2023. — № 28. — С. 122–132.
10. Мельникова Е.Н. Наднациональное правовое регулирование искусственного интеллекта как инструмент распределения ответственности за причиненный вред (опыт Евросоюза) // *Российский юридический журнал*. — 2024. — № 2(155). — С. 38–54.
11. Овчинников И.В. Генеративный искусственный интеллект и авторское право // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. — 2025. — № 1. — С. 74–82.
12. Орлова Т.Е. Основные проблемы авторского права в экономике цифровых платформ. европейский опыт // *Вопросы российской юстиции*. — 2023. — № 25. — С. 167–177.
13. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 03.12.2024 № C01-2107/2024 по делу № A40-277047/2023 [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/411076218/> (дата обращения: 20.01.2026).
14. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10.07.2025 № C01-593/2025 по делу № A40-133715/2024 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=143928#Ss9Tr8VqgpX3kNV5> (дата обращения: 20.01.2026).
15. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.06.2023 № C01-921/2023 по делу № A41-25531/2022 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=112116#1zaTr8VqGgxhpUPW> (дата обращения: 20.01.2026).
16. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.08.2024 № C01-1420/2024 по делу № A41-102093/2023 [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/409593727/> (дата обращения: 20.01.2026).
17. Рожкова М.А. Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты: коллективная монография. — М.: ГАУГН Пресс, 2023. — 220 с.
18. Союзпатент. Как обеспечивается защита авторских прав в интернете? // *Союзпатент: официальный сайт*. — URL: <https://sojuzpatent.com/ru/Prochee/Detail/267> (дата обращения: 19.01.2026).

© Хамидуллина Фариды Ильдаровны (89196873238@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»